

Сэмюэль Джонсонъ

ОБИДАГЪ

Восточная повѣсть.

Перев. с немец. [А. Петрова]. -- В кн.: Учитель, или Всеобщая система воспитания, ч. I, М., 1789, с. 58--62.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Обидагъ, сынъ Абенсины, отставши поутру отъ своего каравана, шель по лугаммъ Индостанскимъ. Ободренъ и укрѣплень покоемъ, оживленъ надеждою, желаніемъ восплаемъ, шель онъ скоро по долинамъ, смотря на холмы, постепенно предъ нимъ возвышающіеся. Утреннее пѣніе райскихъ тиць увеселяло слухъ его; послѣднее вѣяніе утихающаго вѣтра его прохлаждало, и онъ чувствовалъ себя окропленна росою съ ароматныхъ лѣсовъ. Онъ смотрѣль на высащійся дубъ, сего монарха горъ; наслаждался пріятнымъ запахомъ фіялки, старшей дочери весны; всѣ чувства его были услаждены, и всѣ заботы удалены отъ его сердца. Такъ шель онъ, пока солнце взошло на югъ и увеличивающійся жаръ началъ истощать его силы. Тогда началъ онъ осматриваться, чтобъ найти удобнѣйшій путь. Онъ увидѣль въ правой сторонѣ лѣсъ, который казалось призывалъ его колеблющеюся своею тѣнію; вошелъ въ сей лѣсъ, и толико плѣненъ былъ прохладностію его и зеленыю, что не могъ уже лишиться сего удовольствія. Однако не забыль онъ, куда ему итти надлежало, и нашедши тропинку между цвѣтами, которая по-видимому вела туда же, куда и большая дорога вела, радовался, что нашель способъ соединить удовольствіе съ трудомъ, и что могъ получить награду за трудъ свой, не претерпѣвъ тягостей онаго. И такъ шель онъ нѣсколько времени далѣе, ни мало не теряя охоты, кромѣ того, что иногда музыка птицъ, укрывавшихся въ тѣни отъ жару, заставляла его останавливаться; иногда забавлялся онъ срывая цвѣты, росшіе по обѣимъ сторонамъ тропинки, либо плоды, на дерегахъ висѣвшіе. Наконецъ зеленая тропинка начала уклоняться въ сторону и извивалась уже между холмами и кустарниками, гдѣ нашель онъ студеныя ключи и шумяшіе водопады. Тогда Обидагъ остановился и началъ размышлять, не лучше ли возвратиться ему на извѣстную и обыкновенную дорогу; но разсудивъ, что жаръ былъ тогда въ самой большей силѣ, и что дорога на открытомъ полѣ пыльна и неравна, рѣшился итти по новой своей стезѣ, которая, какъ онъ думалъ, только по причинѣ разности земли изгибается въ немногія кривизны, но наконецъ выведетъ на общую дорогу.

Успокоившись такимъ образомъ, продолжалъ онъ свое путешесшвіе, хотя все еще опасался, чтобъ оно не было безуспѣшно. Сіе непріятное опасеніе понуждало его останавливаться при всякомъ новомъ предметѣ и предаваться всякому чувствованію, которое могло польстить ему, или удовольствие доставить. Онъ вслушивался во всякое эхо; всходилъ на всякую гору, откуда новые виды открывались; подходилъ ко всякому водопаду, и веселился преслѣдуя зрѣніемъ теченіе пріятной рѣки, которая протекала между деревьями и въ безчисленныхъ кривизнахъ напаяла обширную страпу. Въ сихъ забавахъ часы непримѣтно проходили; удалявшись часто отъ дороги, Обидагъ не могъ уже ея вспомнить и не зналъ, въ которую сторону итти ему должно. Онъ остановился въ задумчивости и смущеніи; боялся итти далѣе, чтобъ не заблудиться, но видѣль, что не было уже времени медлить. Между тѣмъ, какъ еще мучила его сія неизвѣстность, небо покрылось облаками, день сокрылся отъ глазъ его, и вдругъ непогода наступила. Тогда опасность принудила его скоро и съ горестію вспомнить о своемъ неразуміи; тогда увидѣль онъ, сколько человѣкъ теряетъ благополучія, повинувся склонности къ покою; оплакивалъ лѣнностную нетерпѣливость, побудившую его искать въ лѣсу прикрытія; возненавидѣль безконечное любопытство, привлекавшее его отъ забавы къ забавѣ. Такимъ образомъ размышлялъ онъ; но вдругъ воздухъ помрачился и громовой ударъ прервалъ его размышленіе.

Напослѣдокъ рѣшился онъ сдѣлать все то, что еще могъ, и итти обратно по своей тропинкѣ, дабы испытать, не можешь ли изъ лѣсу выйти. Онъ повергся на землю и предаль жизнь свою въ волю Царя натуры. По томъ всталъ, исполненъ упованія и успокоенія, и взялъ саблю свою въ руку; ибо дикіе звѣри въ пустынѣ начали уже подниматься и отсюду слышанъ былъ смѣшенный ревъ ярости и страха, опустошенія и смерти. Всѣ ужасы мрака и уединенія окружалиего; вѣтры ревели въ лѣсахъ, и рѣки свергаясь съ горъ шумѣли.

Лишенный всякой помощи, въ смущеніи шель онъ пустынею, не зная самъ, куда идетъ, и со всякимъ мгновеніемъ къ спасенію ли, или къ гибели приближается. Наконецъ не страхъ, но трудъ, началъ преодолевать его; дыханіе его ослабѣло, колѣни дрожали, и онъ намѣренъ уже былъ лечь и